

ПЕТЕРБУРГСКИЙ МЕЖДУНАРОДНЫЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ФОРУМ

21—23 июня 2012 г.

Создание надежного будущего

ИНДУСТРИАЛИЗАЦИЯ — ТРЕНД РАЗВИВАЮЩИХСЯ РЫНКОВ?

Панельная дискуссия

21 июня 2012 г. — 16:00—17:15, Павильон 3, Амфитеатр

Санкт-Петербург, Россия

2012 г.

При поддержке Группы ИСТ

Модератор:

Алексей Пивоваров, Журналист, телеведущий, ОАО «Телекомпания НТВ»

Выступающие:

Анатолий Артамонов, Губернатор Калужской области

Клаус Кляйнфельд, Председатель, главный исполнительный директор,
Alcoa Inc.

Орит Гадиш, Председатель совета директоров, Bain & Company

Ричард Куу, Главный экономист, Nomura Research Institute Ltd.

Патрик Крон, Председатель совета директоров, главный исполнительный директор, Alstom

Денис Мантуров, Министр промышленности и торговли Российской Федерации

Участники дискуссии:

Владимир Груздев, Губернатор Тульской области

Дмитрий Конов, Председатель правления, генеральный директор, ООО «СИБУР»

Виталий Несис, Член совета директоров, генеральный директор,
«Полиметалл»

Джузеппе Орси, Главный исполнительный директор, Finmeccanica

Роман Троценко, Президент, «Объединенная судостроительная корпорация»

А. Пивоваров:

Наша панель называется «Индустриализация — тренд развивающихся рынков?», она посвящена новой индустриализации. Я, готовясь вчера к этой панели, размышлял, о чем сказать вначале, и ответ пришел сам собой. Все авиарейсы из Москвы в аэропорту «Пулково» вчера были задержаны на 2—3 часа из-за протокольных мероприятий. Я летел сюда с людьми, которые почти полдня провели в «Домодедово», выпили очень много коньяка, и всю дорогу рассказывали мне про свой бизнес — торговлю кондиционерами и вентиляцией. Они рассказывали, что сейчас на рынке, условно говоря, лидирует компания Panasonic, но они устанавливают себе только кондиционеры Daikin, хотя они считаются не такими хорошими, как Panasonic. Они объяснили мне, что кондиционеры Daikin собираются в Японии, в то время как Panasonic и остальные компании давно вывели производство в Китай. Этот пример, наверное, не очень релевантный, он скорее показывает отношение потребителя к вопросу происхождения товара, однако он демонстрирует, насколько могут выиграть те страны, которые в свое время не вывели производство в аутсорсинг, даже в таком потребительском моменте, как поставка кондиционеров.

Мы сегодня будем говорить о гораздо более глобальных вещах. Я хотел бы сначала предоставить слово уважаемой госпоже Орит Гадиш. Пожалуйста, расскажите в двух словах о тренде новой индустриализации. В чем он заключается применительно к большим промышленным объемам, большим промышленным компаниям? Как Вы видите место России в этом тренде?

О. Гадиш:

Спасибо. Позвольте мне начать с краткого обзора того, что, по моему мнению, должна сделать Россия, чтобы достичь целей, о которых говорил Президент Путин и о которых говорили Вы. Я думаю, что главным моментом здесь является взвешенность и сфокусированность действий России. Начинать нужно с тех областей и секторов, где Россия имеет наибольшее конкурентное

преимущество. Я имею в виду все то, что так или иначе связано с углеводородным бизнесом, а также возможность быстро создать пул технических специалистов и инженеров мирового класса; другими словами, речь идет не только о физической, но и о социальной инфраструктуре. Я не являюсь апологетом плановой экономики, но считаю, что России нужно принимать взвешенные и жесткие решения о размещении ресурсов с целью ускорения прогресса: в этом — ее основная задача.

Позвольте мне привести некоторые статистические данные. Мы недавно проводили исследование быстро растущих экономик прошлого века, а если точнее — последних 45 лет. Выяснилось, что только четыре страны смогли удвоить свой ВВП на душу населения за период меньше 15 лет, при том, что начинали они этот подъем с уровня не ниже десяти тысяч долларов США на душу населения: это были Германия в 1960-х, Япония в 1970-х, Южная Корея в 1990-х и в последние десять лет — Малайзия.

Эти страны объединяют две общих черты. Первая заключается в том, что инвестиции в физическую инфраструктуру в фиксированном капитале этих стран составляли более 25% ВВП за тот период, не за год. Это физическая инфраструктура; я не говорю об инвестициях в непроемственные активы, такие как приобретение земли или неразработанных минеральных ресурсов, лесов или финансовых услуг. Речь идет действительно о физической инфраструктуре. Вторая общая черта состоит в том, что производственный сектор составил в них более 25% ВВП за длительный период — опять же, не кратковременно. Я снова имею в виду не промышленный сектор, включающий в себя природные ресурсы; я говорю о производстве с добавленной стоимостью, имеющем мультипликативный эффект, так как производители зарабатывают больше, создают смежные области промышленности, которые, в свою очередь, создают дополнительные рабочие места. Производство рождает 90% инноваций, последовательно повышающих производительность. Я сейчас не имею в виду крупные, прорывные инновации.

Россия в этом контексте выглядит не слишком выигрышно во всех отношениях. Совсем недавно Президент Путин заявил о намерении удвоить ВВП на душу населения. Сейчас этот показатель составляет около 17 тысяч долларов США. Это очень амбициозная заявка, принимая во внимание исторический опыт, а особенно с учетом двух моментов, которые я отметила выше: объем фиксированных инвестиций частного сектора с 1995 года составлял менее 20% от ВВП. Как отметил Президент Путин, этот показатель подскочил в 2011 году, но это был всего лишь один год. Пример Южной Кореи и Японии показывает, что после скачкообразного роста инвестиционные показатели стабилизируются примерно на уровне 30%. В Китае этот показатель на сегодняшний день составляет 40%, и России до этого еще очень далеко.

Одновременно действует и другой фактор: доля производства с добавленной стоимостью в России в последние десять лет составляет 17% в сравнении с упомянутым ранее критическим показателем в 25%. Я уверена (и полагаю, многие со мной согласятся), что Россия не может позволить себе действовать наугад, распыляя усилия по разным сферам промышленности просто потому, что тот или иной сектор сейчас моден или кажется привлекательным. Нельзя отказываться от производства и бросаться в крайности — от высоких технологий до строительства. Существует лишь ограниченный набор эффективных активов. Нельзя добиться высоких показателей роста и на доходах от нефти, особенно с учетом истощения запасов и высокой волатильности этого рынка. Известно, при какой цене нефти бюджет России будет бездефицитным. К сожалению, сегодня нефть стоит дешевле.

Я считаю, что нужно, например, развивать отрасли, смежные с нефтяной и газовой промышленностью. Почему я об этом говорю? Россия является одним из крупнейших нефтяных рынков, и уже довольно давно. У этой страны богатая история разведки и добычи. И при этом в России не было создано ни одной международной нефтедобывающей компании сколько-нибудь серьезного уровня. В других странах-поставщиках нефти ситуация иная: там

нефтяные компании и производители оборудования становятся настоящими источниками капитала, новых технологий и ноу-хау.

Хорошим примером может служить Норвегия. Несмотря на снижение объема добычи нефти, нефтяные компании Норвегии, к которым относятся PGS, Subsea 7, Seadrill и Aker Solutions, являются конкурентоспособными на мировом рынке и создают существенную часть национального богатства. Другой пример — Бразилия. Бразильское правительство настаивает на приобретении большей части оборудования, необходимого нефтяным и газовым компаниям, у местных производителей. Может быть, это оборудование еще не столь эффективно и конкурентоспособно, а затраты на него велики, но такое решение способствует развитию местной промышленности: оборудование не только работает, но и производится в национальной экономике. К тому же, оно со временем выходит на международный рынок.

Любой развивающейся стране необходимо создавать физическую инфраструктуру. Для этого требуются инвестиции. Это очевидно. Необходимо обеспечивать экономическую основу роста для привлечения инвесторов. Об этом вспоминают в каждом разговоре, в каждой речи. Я считаю, что не меньшее, если не большее значение имеет социальная инфраструктура. Здесь я бы вынесла на первый план образование и профессионально-техническую подготовку. В свое время Россия была известна своей наукой. Теперь же она занимает 38-е и 39-е места по математике и естественным наукам. Это данные недавнего отчета ОЭСР. Сравните с успехами маленького соседа России — Финляндии: у нее шестое и второе места. Я считаю, что образование является основой экономики любой страны, и оно должно быть тесно связано с промышленной политикой. Когда такая связь есть, она творит чудеса. Китай поступил в этом отношении очень разумно и теперь возглавляет рейтинг ОЭСР. Китай — на верхних строчках; у России 38-е и 39-е места. В Германии лучшие технические колледжи в мире, и не случайно, что именно эта экономика является «локомотивом» всей Европы.

У нас мало времени, поэтому я просто скажу, что инвестиции в физическую и социальную инфраструктуру окупаются ростом мировой экономики, но России нужно усовершенствовать свою промышленную политику, решить, где сейчас приложить свои достаточно ограниченные силы, и непрерывно заниматься инвестициями, начав буквально с сегодняшнего дня. Это послужит для нее хорошим стартом.

А. Пивоваров:

Большое спасибо за отличную вступительную речь и за выдвинутые тезисы.

Я хочу обратиться к Денису Мантурову — как к человеку, который сейчас отвечает за промышленную политику в России.

Господин министр, во-первых, интересно услышать Ваш комментарий к тому, что сказала госпожа Гадиш в своем выступлении.

Во-вторых, хотелось бы узнать Вашу общую оценку промышленной политики Российской Федерации. Существует ли такая политика? Какие ближайшие и перспективные цели мы ставим сейчас перед собой?

Д. Мантуров:

Спасибо, Алексей, уважаемые коллеги, дамы и господа!

Тема индустриализации, которую затронули сегодня на данной панельной дискуссии, действительно актуальна, особенно для нашей страны. Наш Президент в своем сегодняшнем выступлении обратил внимание на то, что пока у нас сохраняется зависимость от сырьевой базы, от нефти и газа, примерно на 50%, а может быть и больше. Поэтому индустриализация, особенно в обрабатывающих отраслях промышленности, необходима, чтобы, во-первых, уйти от зависимости от ресурсной базы, а во-вторых, дать толчок к созданию новых рабочих мест. Цифра, которая сегодня прозвучала, — это 25 миллионов рабочих мест к 2020 году. Это серьезная заявка, и все зависит от того, как будут складываться общие экономические тренды, как будет складываться ситуация на финансовых рынках, в первую очередь внешних.

Мы зависим от внешней экономической ситуации, особенно по экспортно-ориентированным продуктам, подверженным серьезной конкуренции, для преодоления которой нужно улучшать качество производимой продукции. Поскольку мы пропустили несколько этапов индустриального развития и индустриальных переделок, нам нужно не просто нагонять, а вкладываться и развивать высокотехнологичный сектор промышленности, и здесь у нас есть определенные преимущества.

Мы имеем достаточно серьезный кадровый потенциал, который дает нам возможность говорить об освоении новых рубежей относительно современной продукции, которая не только востребована на внешних рынках, но и ведет к постоянному росту внутреннего потребления. Можно привести пример одной из отраслей промышленности, автопрома: обеспеченность населения автомобилями — 280 автомобилей на 1000 человек. Этот показатель в США в три раза выше. Мы должны быть готовы к вызову со стороны потребительского спроса, который к 2025 году должен увеличиться минимум в три раза. Насыщение произойдет примерно к 2025—2030 году.

Я бы разделил отрасли нашей промышленности на три группы. Первая группа — это те предприятия и сектора промышленности, которые принято называть глобальными игроками. Это, в первую очередь, химия и металлургия, которые на сегодняшний день более успешны, чувствуют себя достаточно комфортно. Эти отрасли должны быть ориентированы как на увеличение своих объемов на экспортном рубеже, так и увеличение объемов для внутреннего спроса.

Второй сектор или вторая группа — это производители, ориентированные в основном на внутренний рынок: транспортное машиностроение, энергомашиностроение, фармацевтика и ряд других отраслей и направлений. Этим отраслям необходимо развивать новые продукты, вкладывать средства и инвестиции в модернизацию и для соответствия потребностям внешнего рынка, на который нужно ориентироваться и который необходимо осваивать, и для обеспечения внутреннего спроса.

Третья группа промышленных предприятий — это отрасли, которые зависят от обеспечения спроса со стороны государства: судостроение, авиация и электронная промышленность. Ситуация здесь достаточно комфортная за счет постоянно растущего государственного заказа. Предыдущие несколько лет основной акцент был сделан непосредственно на корпоративных вопросах. Здесь присутствует Роман Троценко, руководитель «Объединенной судостроительной корпорации». Усилия, которые он посвятил этой компании на протяжении трех лет, в основном были нацелены на создание полноценной структуры, способной наращивать свои объемы и создавать новые продукты. Основное значение здесь имеет поддержание модернизации предприятий для обеспечения должного уровня. Государство будет уделять пристальное внимание, осуществлять по судостроению и авиации меры государственной поддержки, в том числе и финансовые,

Нам нужно активно заниматься вопросами вхождения в так называемые глобальные мировые индустриальные цепочки. У нас есть положительные примеры практически во всех отраслях. Фармацевтика активно вступает на рельсы международной интеграции за счет создания совместных предприятий, разработки совместных продуктов с международными лидерами, Big Pharma. Авиация, самолетостроение привлекают иностранных производителей. Мы создали современный самолет Sukhoi Superjet 100, доля иностранных компаний в котором больше 50%, даже больше 60%. Мы активно участвуем в сборке известного вертолета Augusta 139 совместно с компанией Finmeccanica, то есть мы активно занимаемся интеграцией с международными компаниями. Я думаю, что мы будем развивать это направление и дальше.

Вопросы, связанные с замещением импорта, также стоят на повестке дня. Мы не только занимаемся сборкой, но также будем локализовывать продукты международных разработок, международного производства на базе своих предприятий.

А. Пивоваров:

Большое спасибо, господин министр. Очевидно, на повестке дня стоит вопрос снижения издержек, мы постоянно об этом слышим.

Д. Мантуров:

Снижение издержек является важной задачей. В первую очередь перед нами стоит амбициозная задача повышения производительности труда по некоторым отраслям в 2,6 раза к 2020 году. В среднем по обрабатывающим отраслям нам необходимо увеличить показатель производительности труда в 1,8—2 раза.

А. Пивоваров:

Рядом с Вами сидит Клаус Кляйнфельд, я хотел бы к Вам обратиться.

Вы мне кажетесь подходящим человеком для обсуждения снижения издержек на конкретном примере. Мы в России привыкли, что большая глобальная компания в принципе менее эффективна, чем небольшая компания, в том числе и из-за постоянного роста издержек. Мы знаем, что Alcoa тоже сталкивается с этой проблемой. Как вам, тем не менее, удалось снизить себестоимость тонны алюминия на 30% за последние годы? Что вы для этого делали?

К. Кляйнфельд:

Нужно сделать очень многое и позаботиться о том, чтобы каждый сотрудник был заинтересован в успехе компании и разделял общие цели. Речь идет не об одном усовершенствовании, а целом комплексе мероприятий. Сейчас у нас по всему миру проводится около 8 800 мероприятий, направленных на повышение производительности. Поэтому если сосредоточиться только на чем-то одном, то этот выбор неизбежно окажется ошибочным. Чтобы сократить расходы на энергию, необходимо сделать очень многое. Существуют частные решения: это когда нужно просто починить клапан, который не работает. Нужно привлечь внимание рабочих к таким моментам и

объяснить им, что все начинается с малого, с рабочей среды. Нужно, чтобы сотрудники с вниманием относились к своей рабочей среде. Они лучше всех знают оборудование и знают, когда оно работает хорошо, а когда плохо. Они замечают, что вытекло масло, и знают, как остановить утечку. Когда мы плотно занимались инвестициями в России и приобретением местных компаний, нам стало понятно, что ваши рабочие не привыкли заботиться об оборудовании. Естественно, при таком отношении оно изнашивается очень быстро. Это действительно проблема.

Тем не менее, думая о ней, я возвращаюсь к основному вопросу нашей панельной дискуссии: каковы же тенденции в индустриализации? С моей точки зрения, есть три основных направления. Я думаю, что эти тенденции являются долговременными. Первое: в сегодняшнем мире, информация очень быстро перемещается между разными странами и континентами. В этой ситуации единственным устойчивым конкурентным преимуществом компаний являются их сотрудники и то, как эти сотрудники работают вместе. Скажу, что в России где-то на уровне ДНК заложена способность к очень хорошему техническому образованию. Госпожа Гадиш убедительно доказала нам, что ситуация в этой области за последнее время резко ухудшилась. Но по своему опыту скажу, что здесь имеется хорошая основа, и абсолютно понятно, что есть большие таланты. Многие хорошие специалисты уехали из России и раскрыли свои таланты за пределами этой страны. Я считаю, что важно обеспечить этим людям такую же среду здесь — это второй момент. Итак, первый момент, о котором я упомянул, это наличие единственного устойчивого конкурентного преимущества любой компании в виде ее сотрудников и их способности работать вместе. Второе, на что следует обратить внимание — это создание условий и стимулирование предпринимательства.

Людям свойственно желать хорошего; я крайне редко видел людей, которые приходили на завод с намерением делать все плохо. Очевидно, что когда у людей есть возможность принимать участие в общей работе и получать от этого пользу, они будут более изобретательны. В этом все дело. В этом —

американская история, американская мечта, и я думаю, что эта мечта может стать русской. Нужно создать условия для предпринимателя, который есть практически в каждом из нас. Для этого нужна приватизация, и я был очень рад услышать, как Президент Путин сегодня заявил, что полностью поддерживает приватизацию. Выполнение плана приватизации будет продолжено, что очень радует. Но и для проведения приватизации потребуются современные технологии. Я бы назвал это фактором гигиены. Вы просто не можете позволить себе не иметь технологий. К сожалению, мы наблюдали, как после распада Советского Союза многие отрасли промышленности потеряли свою привлекательность. Советский Союз играл большую роль во многих отраслях промышленности, в основном в глобальном масштабе. Теперь же эти технологии заметно отстали и пришли в упадок. Нам необходимо убедить Россию, а самой России необходимо убедиться в том, что технологии придут с инвестициями незамедлительно. В этом деле велика роль прямых зарубежных инвестиций. Хороший пример — инвестиционная деятельность компании Alcoa. Я считаю, что мы сделали очень многое для алюминиевой промышленности России, выведя ее на конкурентный уровень в мировом масштабе. Наша продукция одобрена и сертифицирована всеми ведущими авиакосмическими компаниями мира, и мы экспортируем ее из России в самые разные страны. Все то же применимо и к процессу расфасовки и упаковки продукции. Технические средства, которыми мы здесь располагаем, находятся в старых зданиях, но оборудование и технологии рабочих процессов соответствуют самым высоким требованиям и не отличаются от используемых в любом другом месте в мире. Поэтому вот второй момент: давайте убедимся в наличии правильной базы.

Хотелось бы затронуть еще один момент, также из разряда основополагающих истин. Основой основ для любой предпринимательской деятельности является верховенство права в стране и непредвзятость применения имеющихся законов. Мне очень понравилась цель, обозначенная Президентом. Можно использовать какие угодно единицы измерения, но я

абсолютно уверен в том, что план, который не может быть измерен, не может быть выполнен. Президент использовал индекс Всемирного банка в своем заявлении о необходимости облегчения условий ведения бизнеса в сравнении с тем, что имеется сегодня. А сегодня Россия находится на самом дне рейтинга. Необходимо стремиться вверх — туда, где, мне кажется, России самое место.

Следующим элементом базовых условий является стоимость энергии. Я считаю, что теоретически у вас здесь есть конкурентное преимущество. К сожалению, им не пользуются. Стоимость энергии в России значительно выросла, что создало ощутимые проблемы в энергозависимых сферах бизнеса. Я считаю это одним из базовых моментов.

И последнее: хорошо иметь отдельные сильные компании, но еще лучше иметь кластеры. Я считаю, что у вас — именно такой случай. Кластеры — это отличная стратегия, которая применялась в Советском Союзе. Существует несколько кластеров в энергетике, в нефтяной и газовой промышленности. Это очень хорошо. Но имеется возможность создания новых кластеров, о некоторых из них упоминал министр промышленности. Я бы рекомендовал не охватывать слишком большие области. Скорее, если рассматривать несколько кластеров, нужно сконцентрировать внимание на тех, которые можно создать быстро и эффективно. Я считаю, большие шансы есть у автомобильной промышленности. Автомобильный рынок России — второй по величине в Европе после Германии. Скажу вам так: нет такой автомобильной компании, которая бы не стояла у вас на пороге, с готовым планом инвестиций в России. Это замечательно! Это просто фантастическая возможность. Кроме того, я считаю, что у вас есть некоторое количество очень хороших компаний в сфере высоких технологий и инноваций. Я был очень рад наблюдать многообещающий старт и последующее развитие «Яндекса».

Вот какие тенденции индустриализации я вижу. Кроме того, выслушав речь Президента сегодня утром, я убедился, что мы уже близки к тому, чего люди ждали 18 лет — к вступлению в ВТО. Я думаю, что это просто замечательно.

А. Пивоваров:

Большое спасибо. Отдельная благодарность за Ваши рекомендации.

Я бы хотел продолжить изучение конкретных примеров того, как работает индустриальная политика. Ричард, расскажите о примере Японии и азиатских стран. Какая сейчас там проводится политика и как формулируются цели, как формулируются задачи?

Р. Куу:

Большое спасибо за приглашение принять участие в этой дискуссии. Я знаю, что сейчас реиндустриализации России уделяется много внимания. Особенно много говорят о снижении зависимости от цен на энергоносители. Наличие энергии или природных ресурсов иногда является не преимуществом, а наказанием для производителей. Зачастую лучшие люди, деньги или даже курсы валют попадают под влияние сектора природных ресурсов.

Когда стоимость природных ресурсов возрастает, обычно больше всего страдают производители, потому что курсы валют растут вместе со стоимостью ресурсов. Сегодня Канада и Австралия сильно страдают из-за высоких обменных курсов. В Австралии есть три производителя автомобилей, и все они взывают о помощи. Экспортеры в Канаде привыкли к очень слабому курсу против доллара США, и теперь они тоже испытывают трудности. Причиной тому — наличие в Канаде и в Австралии природных ресурсов. Наличие природных ресурсов — своего рода наказание, и если они доминируют на рынке той или иной страны, то в ней будет очень сложно развивать производство. Правительству придется принимать серьезные целенаправленные меры для развития производства, потому что если просто оставить все на милость рынка, никакого роста промышленности, скорее всего, не будет.

Как удалось провести индустриализацию в Азии, особенно на этапе намерстывания? Господин министр упомянул намерстывание упущенного;

Азии пришлось много сделать в этом направлении. Вообще в Азии есть много разных моделей, и я хотел бы остановиться на каждой из них.

Первая модель реализована в Японии и Южной Корее. Поначалу они активно использовали политику протекционизма. В 1960-х годах американская или немецкая машина в Японии обходилась в четыре раза дороже, чем в стране производства. Так японцы защищали свою промышленность до середины 1970-х годов. А в Корее всего пять лет назад практически невозможно было увидеть зарубежные автомобили — только корейские. Но за этот период им удалось развить промышленность, и теперь в Корее на улицах попадаются иностранные автомобили. В Японии иностранные машины сейчас очень распространены. Но эти страны применяли политику протекционизма в течение длительного периода времени. Но для этого необходимы два условия: возможность применить политику защиты отечественного производителя и очень дисциплинированная бюрократия. Никакой коррупции. Японская бюрократия известна очень низким уровнем коррупции, и, я думаю, именно поэтому Японии удалось добиться успеха.

Но сегодня Россия вступает в ВТО, а ВТО не позволит ни одной стране, входящей в эту организацию, принимать меры по защите своей промышленности. Конечно, многое можно сделать и в рамках наложенных ВТО ограничений, но не в таких масштабах, как это удалось Японии или Южной Корее 20—30 лет назад. Чтобы продвинуться дальше в вопросах промышленной политики, необходимо искоренить коррупцию. Президент Путин не раз говорил об этом. Это встречный ветер, с которым России придется побороться, если она хочет следовать опыту, наработанному Японией и Южной Кореей.

Вторая модель заключается в использовании прямых зарубежных инвестиций, и об этом сегодня уже говорилось. Эта модель помогла быстрому развитию экономик многих стран Юго-Восточной Азии и Китая. Но для того, чтобы она работала, нужно иметь самую дешевую рабочую силу в той или иной области промышленности, потому что это своего рода гонка на понижение. Если у вас

самая низкая себестоимость, все производители придут к вам, но если вы являетесь экономикой среднего класса, то привлечь производителей сложно, потому что они всегда могут пойти туда, где дешевле.

Россия находится примерно посередине. Стоимость рабочей силы здесь приблизительно сравнима с Малайзией, но по соседству есть много более дешевой рабочей силы: в Бангладеш, Индии, Вьетнаме и в последнее время в Мьянме. Эта страна недавно стала открытой, и все производители мира пытаются попасть в Мьянму, потому что рабочая сила там очень дешевая. России будет достаточно сложно конкурировать в таких условиях. У вас есть одно преимущество, о котором здесь уже говорили, оно заключается в наличии большого рынка: 140 миллионов человек — не маленький рынок. Этого преимущества нет в странах Азии, за исключением Китая. Может быть, можно основывать развитие на этом.

Третья модель, о которой я хотел бы упомянуть, — модель Тайваня. О Тайване никто не думал с экономической точки зрения до 1985 года. Он был просто крошечным островком в Тихом Океане. Всего через десять лет, к 1995 году, Тайвань стал самым крупным производителем компьютерного оборудования в мире. Как удалось этого добиться всего за десять лет? Вернусь к вопросу талантов в области технологий, о чем говорили ранее. Не знаю, многие ли знакомы с историей Тайваня: когда Тайвань был оккупирован националистическим правительством Китая — правительством Чан Кайши — это правительство предпочло использовать рабочую силу с материкового Китая. Тайваньцы не могли найти хорошей работы в тогдашнем правительстве Тайваня или в основных сферах промышленности, контролируемых правительством. Поэтому лучшие умы уехали из Тайваня и начали работать в США, в Силиконовой долине и так далее. Потом примерно в 1985 году военное положение отменили, людям разрешили заниматься тем, чем они хотят, и у кого-то возникла отличная идея: в Силиконовой долине в США есть много инженеров из Тайваня, почему бы не вернуть их назад? Была создана программа, направленная на возвращение этих инженеров в Тайвань.

Некоторых удалось вернуть с первой попытки. Но они не остались в Тайване по одной простой причине. Мужчин — мужей и отцов — всегда можно вернуть. Если убедить их в необходимости работать на благо родины, мужчины вернуться. Но сложно вернуть их жен и детей, потому что они работают в Западной Европе или в Лос-Анджелесе, в Сан-Франциско, они привыкли к хорошей жизни и не хотят возвращаться.

Но решение было найдено. Фактически был построен Лос-Анджелес в Тайпее. Это город под названием Синьчжу, на тайваньском диалекте это значит «новый бамбук». Если не можете произнести, просто запомните: «новый бамбук». Это научный парк, а внутри научного парка есть свой Лос-Анджелес: газоны, красивые дома и бассейны. Может быть, бассейны будут не так актуальны в Санкт-Петербурге. Важнее то, что в новом городе построили англоязычные школы для детей, чтобы дети могли продолжить получать образование на английском языке. После этого семьи начали возвращаться целиком, начали оседать в Тайване, и электронная промышленность взлетела с космической скоростью.

Я знаю, что много талантливых русских инженеров работает за границей. Нужно постараться их вернуть, особенно лучших специалистов зарубежной промышленности. Они знают, что нужно рынку. Они знают, какие технологии доступны, знают, какое существует оборудование, поэтому они могут очень быстро сориентироваться и ускорить развитие промышленности в России.

Я знаю, что у вас уже есть подобная программа. Если я правильно понимаю, она называется «Сколково». Пятьсот компаний уже принимают участие в этой программе. Это очень хорошее начало, но если вы действительно хотите, чтобы эти специалисты остались и пустили корни в России, то нужно сделать так, чтобы их жены и дети тоже захотели вернуться домой. Без этого результат будет краткосрочным. Многие вернуться на время, но через несколько лет уедут снова, и создать в этой стране прочную основу не удастся.

И последнее: я хотел бы отметить, что производство осуществляется и оценивается на уровне изготовителей, а не сборщиков. Сборщики просто собирают готовый продукт из деталей, это может каждый. Производителями обычно являются маленькие компании, малые и средние предприятия, которые специализируются на чем-то одном. Они производят что-то такое, чего больше никто не делает. Таковы особенности специализации производства. У вас есть сотни таких предприятий, которые могут создать прочную производственную базу. Так было в Японии. В Тайване существует огромное количество малых и средних предприятий, производящих ключевые компоненты для компьютерной техники. Гнаться за ними сейчас бессмысленно. Поэтому для министра и членов правительства большие линии сборки выглядят хорошо. Неплохо они смотрятся и по телевизору: они хорошо подходят для политических шоу. Но для возрождения промышленности нужно создавать малые и средние предприятия, которые будут заниматься производством, а не только сборкой. Спасибо.

А. Пивоваров:

Спасибо. Большое спасибо.

Я бы хотел обратиться к Роману Троценко.

Рассказы об азиатском опыте всегда впечатляют, даже, на мой взгляд, немного деморализуют: приходится сделать вывод, что у нас другой менталитет.

Где Вы видите ниши, в которых Россия может быть конкурентоспособной в Вашем бизнесе, в том деле, которым Вы занимаетесь последние три года? За счет чего нам можно преуспеть в ближайшей перспективе, учитывая то, о чем мы говорим на этой панели о международной кооперации, новой индустриализации? Чтобы не приходилось говорить, что у нас проблемы с менталитетом, поэтому мы не можем развиваться так, как Азия.

Р. Троценко:

Я отвечу на Ваш вопрос в конце выступления, потому что он логически связан с рядом предпосылок.

Сложно сказать, когда все началось. Наверное, в декабре 2005 года, когда Financial Times и Goldman Sachs признали книгу Томаса Фридмана The World Is Flat книгой года. Это был milestone в признании тенденции глобализации и указание всем странам и компаниям выводить производственный бизнес за рубеж, размещать там производственные площадки, снижать себестоимость и заниматься узкой специализацией. Считали, что длинные товарные цепочки можно раздробить по признаку страны. Мы помним, что Томас предрекал, что некоторые страны будут заниматься веб-дизайном, другие производством, третьи сельским хозяйством — возникнет специализация. Это хорошая идея, но, к сожалению, примерно столь же истинная, как утверждение, что все болезни можно лечить аспирином. Аспирин эффективное лекарство, но далеко не от всех болезней.

Мне кажется, глобальный кризис, который мы переживаем, имел корни в этом неправильном допущении или даже заблуждении. Эта тенденция начала развиваться: компании выводили собственное производство за рубеж, в результате стали высвобождаться рабочие места в секторах, признанных странами неперспективными для себя, например, в индустриальном секторе. Молодые люди в Германии не хотели становиться сварщиками, в Италии становиться мебельщиками. Эти производства постепенно стали уходить в Юго-Восточную Азию, в Китай.

Третье. Последствия проявились в том, что вынесенные за рубеж офшоризированные производства стали создавать собственных конкурентов. Если мы зададим вопрос, а кто на сегодняшний день является конкурентом итальянским мебельным компаниям, мы убедимся, что это китайские компании. Кто является конкурентом немецким судостроительным верфям — на сегодняшний день это фирмы Китая и Юго-Восточной Азии. Если мы посмотрим корпоративные программы, скажем, 2002 года, когда идеи

Фридмана витали в воздухе, мы увидим идеи глобализации, офшоризации, выноса производства на зарубежные площадки.

Четвертый тезис: по сути, эта тенденция была экономическим самоканнибализмом, потому что компании и страны начинали постепенно терять собственные конкурентные преимущества и создавать себе конкурентов за рубежом.

Пятое. Создание продукта — не сборка, о которой мы говорили, и которую может осуществлять каждый, — а именно создание продукта, состоящего из экономических, социальных, технологических отношений, является самой большой ценностью на сегодняшний день, потому что продукт должен быть конкурентоспособным. И задача национальной экономики и национальной промышленной политики любой страны — это поддержание способности национальных производителей создавать уникальный конкурентоспособный продукт с реализацией всех конкурентных преимуществ национальной экономики, в том числе и менталитета, о котором Вы спросили. Менталитет является особенностью и конкурентным преимуществом по отношению к тому или иному виду занятий и продуктов.

В последние годы мы видели последовательную позицию Министерства промышленности и торговли России, направленную на стимулирование национальных компаний, подталкивание их, оказание на них давления в создании нового продукта. Конкурирует продукт, в конечном счете, потребитель хочет увидеть соотношение цены и качества. Это особенно сложно обеспечить при создании дорогостоящих продуктов с длинным жизненным циклом, таких как суда, самолеты и вертолеты. Это иллюзия, что они могут быть созданы одной компанией, без поддержки государства, скажем так, есть исключения, которые только подтверждают это правило.

В дальней перспективе задачей является не просто создание продукта, а создание самоподдерживающейся системы, которая могла бы воспроизводить создание продукта с каждым новым циклом, скажем, каждые 10 лет. Это система образования, система воспитания новых кадров, система абсорбации

технологий, которые есть в мире, изменение национального, налогового и таможенного режимов, которые подходят для создания того или иного продукта. В результате в мире одновременно начали появляться технологии, которые позволяют не строить длинные линейные производственные комплексы, а производить по заказу потребителя быстро изменяемые и модифицируемые продукты. На сегодняшний день рабочее место в Boeing уже не просто конвейер, это рабочее место под одного специалиста. В современных обрабатывающих комплексах стоимость рабочей силы уже не принципиальна, принципиальным является качество. Если обрабатывающий комплекс стоит 5 миллионов евро, то экономить на рабочем, который может неправильно его эксплуатировать, не имеет никакого смысла.

В результате страны, которые первыми пошли по стезе прекращения индустриальной деятельности, как не модной, и решили, что тенденция будущего как раз и заключается в сосредоточенности на создании только виртуальных образов продуктов, с удивлением обнаружили, что продукт нужно произвести, и что выведенные ими за рубеж производства стали их же конкурентами. Начинается обратный процесс переосознания, признания ошибочности идеи о том, что глобализация приведет к смерти индустрии или индустриализации, которые будут не нужны в развитых странах. Мы видим, как постепенно в различных странах начинают появляться ростки «индустриализации 2.0». В США сейчас одновременно ведется проектирование и строительство десяти карбамидных заводов. Раньше мы бы не поверили, что это происходит в США в 21 веке, ведь химия считалась такой непопулярной. Индустриализация, новая индустриализация, или «индустриализация 2.0» является выходом не только для развивающегося мира, но и выходом для развитых стран.

А. Пивоваров:

Извините, что перебиваю, Роман. Вы сейчас очень интересно говорите, я бы слушал Вас и дальше, если бы было время.

Все-таки я возвращаю Вас к судостроению. Вы сказали, что сложно представить, как одна компания без поддержки государства может создать такой сложный продукт, как, например, самолет или корабль. А может ли это сделать одна страна без поддержки компаний из других стран? Скажем, если говорить о судостроении?

Р. Троценко:

У каждой компании или страны есть специализация, в том числе в судостроении. Мы нашли для России собственную нишевую специализацию. Мы поняли, что заниматься вхождением на рынок в конвенциональном флоте, достаточно простом тоннаже, представленном балкерами, танкерами, контейнеровозами, для нас не имеет смысла. Для нас имеет смысл строить суда небольших серий с коэффициентом пересчета тоннажа по трудоемкости, у нас такой коэффициент больше 1,5. Суда таких типов — это танкеры ледового класса, ледовые снабженцы.

А. Пивоваров:

Возможна ли здесь кооперация? Скажем, изготовление корпусов этих судов в Китае?

Р. Троценко:

Спасибо за вопрос. Кооперация здесь нужна. Принципиально то, кто является держателем образа продукта, у кого документация, кто придумал продукт. Кто сделал корпус, вторично. Пример: по ледовым снабженцам мы выстроили международную кооперацию, наши предприятия в Ленобласти производят корпуса, после чего они уходят на наше же предприятие, которое является частью «Объединенной судостроительной корпорации», хельсинкскую верфь, где они достраиваются. Но при этом самое важное, чей проект.

А. Пивоваров:

Судно остается российским?

Р. Троценко:

Судно остается российским и проект остается российским. Переговоры по стоимости корпуса идут минуты или часы. Переговоры о передаче технологий и передаче 3D-модели судна идут месяцы, и очень редко заканчиваются положительно. Это самая главная ценность и самый большой секрет, который компания держит у себя.

А. Пивоваров:

Это самое важное. Большое спасибо за Ваше выступление.

Патрик, я хотел бы обратиться к Вам, продолжая разговор про меры, с помощью которых государство должно поддерживать свою индустрию, своих производителей.

Ваша компания Alstom работает в разных странах BRIC, не только в России. Хотелось бы получить Вашу сравнительную оценку, какими конкурентными преимуществами обладает Россия по отношению к другим странам BRIC, а в чем Россия уступает?

П. Крон:

Спасибо. Мне выпала шестая очередь среди участников дискуссии. Много уже было сказано, поэтому я могу выступить кратко. Вместо общих слов я остановлюсь на нашем опыте работы в этой стране и в других странах. Этот опыт связан с инфраструктурными проектами: производством и передачей энергии, а также железнодорожным транспортом. Это наш бизнес. Он полностью сосредоточен на инфраструктуре.

Я хотел бы сказать о том, что уже упоминала госпожа Гадиш: для удовлетворения потребности в экономическом развитии, социальном благосостоянии и в защите окружающей среды необходимо наличие хорошо развитой физической и социальной инфраструктур. Что требуется для

создания таких инфраструктур? Очевидно, желание политиков модернизировать инфраструктуру страны, а также деловая воля со стороны бизнеса, в особенности — бизнеса с длинными циклами производства и бизнеса, зависящего от объемов капитала. Им нужны устойчивые рамки: ясность и стабильность необходимы в качестве гарантии получения инвестиций в модернизацию инфраструктуры от всех участников производства.

Если брать наш конкретный случай, то основным аргументом в пользу положительного решения об участии в развитии инфраструктуры в России послужило наличие политической воли руководства страны модернизировать инфраструктуру. Нужно создавать рынок: если нет спроса, не удивляйтесь, что не будет и предложения. Вторым аргумент в нашем случае был таким: нам дали возможность принять участие в указанных программах. Существовала открытость, достаточная для нашего участия, и мы приняли это решение. Мы не только своими силами создавали мощности, но и сотрудничали в этом секторе с российскими компаниями. Они предоставили существенные активы, которых у нас не было и которым неоткуда было взяться: оценку рынка, промышленную деятельность, местные ноу-хау и так далее. Конечно, у нас были технологии: у нас 30 тысяч инженеров по всему миру. Признаюсь, мы даже не ожидали, насколько легко и открыто пойдет у нас сотрудничество по инженерной части. Коллеги из России доказали нам, что они тоже умеют работать качественно.

Разрабатывая планы на будущее, первое, о чем надо помнить, — это спрос, программа непрерывной модернизации инфраструктуры. Второе — это сочетание развития инфраструктуры с развитием промышленного производства. Разрабатывая инфраструктуру в России, следует просчитывать и то, что это потянет за собой промышленный сектор, который сможет конструировать поезда, разрабатывать какие-то системы и продавать их, в первую очередь покрывая российские потребности, а затем — для экспорта в другие страны.

Такова обстановка сейчас, и, я думаю, мы движемся в правильном направлении. Сравнение с другими регионами в данном случае затруднительно. Скажу, что Россия — сложная страна, но мы работаем в 100 странах, и, по правде говоря, все эти 100 стран сложные. Может быть, мы не обращаем внимания на простые страны, но, несмотря на это, у нас все идет хорошо.

А. Пивоваров:

Большое спасибо.

Я думаю, вряд ли кто-то будет спорить с тем, что Россия сложная страна, однако Россия еще и неоднородная страна. Регионы России различны. Я даже записал себе пример, который все с удовольствием приводят, говоря о достижениях. Калужская область в кризисные годы добивается роста промышленности на 40%.

Я хочу обратиться к губернатору Калужской области. Господин Артамонов, что есть в вашей области, помимо Вас лично, чего нет в других областях? Как Вам этого удалось достичь?

А. Артамонов:

Мое выступление — последнее по порядку, но, надеюсь, не по значимости.

На сегодняшний день необходимо точно представлять и быть убежденным в том, что индустриализация – это удел любого развивающегося общества. Это не только вызов сегодняшнего времени, такое положение существовало с незапамятных времен. При анализе развития общества вы увидите, что индустриализация была очень важной и даже главной во все времена. Звучит парадоксально, но подтверждается практикой: развитие индустриализации общества подталкивает к развитию и другие технологические формации, информационные технологии, нанотехнологии, и так далее.

Теперь посмотрим, какие вызовы стояли перед Россией и российскими регионами в 1991 году. Мы имели милитаризованную промышленность. Это

была высокотехнологичная по тем временам промышленность, которая одномоментно осталась без работы, потому что внутри страны столько оружия не требовалось, а связи для выхода на внешние рынки, на которых мы сегодня уже стали присутствовать, не были налажены. Большое количество высококвалифицированных рабочих и инженеров осталось за воротами предприятий, а те, которые не были уволены, или месяцами не получали заработную плату, или получали её в мизерных размерах. Что нужно было делать? Предприятиям, которые мы имели, нужно было срочно находить альтернативные производства, нужно было создавать новую экономику, новую промышленность, налаживать производство востребованной обществом продукции. И то, и другое хорошо.

Я могу привести пример: у нас есть турбинный завод, известный не только в нашей стране, но и в 50 других, которые получают продукцию этого предприятия. Этот завод производил турбины для подводных лодок и надводных кораблей. Они стали не нужны. Мы начали производить на этом предприятии силовые установки — для сахарной промышленности, для котельных, и так далее. Вскоре производство этой продукции достигло больше 80% объема. Сейчас, когда вернулась необходимость производства продукции, для которой создавался завод, маятник качнулся в другую сторону. Мы понимали, что модернизировать и перепрофилировать все не получится, необходимо привлекать инвесторов. Когда столкнулись с этой необходимостью, обнаружили, что никто к нам не приходит, и подумали, а в чем причина. Мы спрашивали у наших потенциальных инвесторов, прежде всего зарубежных, что их пугает, почему они не идут в Россию, почему не идут к нам в Калужскую область. В основном назывались четыре причины: высокий уровень бюрократии, коррупция, неразвитость и сложность подключения к инфраструктуре, а также высокое налоговое бремя. Мы поехали в другие страны: Китай, США, европейские государства, посмотрели, как они справляются с этими бедами. Мы увидели, что ничего сложного нет, и решили сделать у себя так же, и постарались сделать лучше, чем они это сделали.

А. Пивоваров:

Извините, что перебиваю. Это возможно сделать в рамках одного региона?

А. Артамонов:

Это можно сделать не только в рамках региона, это можно сделать во всей стране.

А. Пивоваров:

Нет, во всей стране — это другой вопрос. Я думаю, господин министр со мной согласится, что мы все этого хотим. Как Вам удастся делать это в рамках региона? Вам не кажется, что получается странная ситуация. Один регион может, а другие нет?

А. Артамонов:

Для этого всего-навсего надо искренне любить ту землю, где ты живешь и работаешь, стараться поставить смыслом своей жизни развитие своей территории, ее процветание. Тогда будет все сделано, и никаких вопросов не останется.

А. Пивоваров:

То есть все упирается в человеческий фактор?

А. Артамонов:

Всегда. Вы вспомните историю. Нас учили, что роли личности в истории нет, но это неправда. Всегда все упирается в человеческий фактор. Здесь сидят успешные люди, которые себя сделали в этой жизни, они как раз и есть человеческий фактор. Я не считаю начатую нами индустриализацию самым большим достижением, хотя мы увеличили физический объем промышленной продукции за 10 лет в 4,6 раза. Самый главный итог — это формирование

команды современных управленцев, качество работы которых отвечает теперь самым высоким квалификационным требованиям.

А. Пивоваров:

Да, понятно. Меня просто очень интересует ситуация, поэтому вопрос.

Вы и Ваша команда создали некую систему. Понятно, что все это произошло благодаря Вам. Насколько эта система стабильна? Насколько она может функционировать, независимо от того, кто ее возглавляет? Или придет другой начальник, и все быстро развалится?

А. Артамонов:

Если не ставить целью разрушение этой системы, она будет работать сколь угодно долго. Это команда, которая способна сама себя генерировать и воспроизводить, и это уже происходит. Мы делегируем членов нашей команды в другие регионы, на федеральный уровень. От этого наша команда не страдает. Но можно конечно все разрушить, и это в том числе.

А. Пивоваров:

Спасибо.

Да, господин министр.

Д. Мантуров:

Можно я сокращу ответ? Я хочу подтвердить, что система, которую удалось создать губернатору, действительно будет функционировать. Готов также согласиться с ролью личности в истории, потому что без него эта система не возникла бы. Здесь есть и положительная, и отрицательная стороны. У губернатора забирают людей в федеральные органы власти. Заместитель губернатора уже перешел на должность заместителя руководителя Аппарата Правительства РФ.

А. Пивоваров:

У меня есть ощущение, что в России все держится на отдельных личностях.

А. Артамонов:

Я хочу сказать о том, в чем мы убедились. Мы сегодня много слышим о роли государства в развитии экономики, в развитии бизнеса, и так далее. Чем меньше государство будет помогать бизнесу, тем большим благом это будет оборачиваться для бизнеса (аплодисменты).

Сегодня большое количество различных структур: прокуратура, полиция, ФСБ, следственные органы — все нацелены на то, чтобы помочь бизнесу, искоренить коррупцию, и так далее, и тому подобное. Воспроизводится такое количество коррупционных рисков, что мы захлебываемся в своей собственной работе. Надо избавить и полицию, и ФСБ, и прокуратуру от опеки над бизнесом. Есть Федеральная антимонопольная служба, есть Федеральная налоговая служба, этого достаточно. Есть службы, которые следят за качеством работы компаний, которым они выдали лицензию. Если кто-то преступает закон, тогда налоговая, или антимонопольная, или лицензионная службы передают дело в следственные органы.

А. Пивоваров:

Анатолий Дмитриевич, мне не хочется Вас перебивать.

Аплодисменты были подтверждением того, что Вы сказали ключевую вещь. Мы быстро уперлись в наш глобальный национальный вопрос.

Я хочу предоставить слово Джузеппе Орси. Интересно, как со стороны выглядит проблема того, что в России все зависит от отдельных личностей, что у нас, чтобы все заработало, нужно договариваться с отдельным человеком, а с системой взаимодействовать сложно. Есть ли у Вас ощущение, что в России все работает именно так?

Д. Орси:

Давайте начнем с одной стороны. Я считаю, что в процессе индустриализации важны технологии. Как уже было сказано, технологии являются второй основной переменной мировой экономики будущего после свободного перемещения капитала между странами. Технологическое соревнование между странами будет очень напряженным. Несколько лет назад мы думали, что развивающиеся страны, такие как Греция и другие, не смогут конкурировать с Западом и Японией в плане технологий. Эти страны скорее импортировали и больше использовали технологии, нежели производили их. Сейчас все меняется, потому что развивающиеся страны направляют все большую часть своих ВВП на развитие технологий. Сейчас они тоже их экспортируют.

Россия была в другом положении. Как уже было сказано, в Советском Союзе технологии активно развивались. Но в большинстве своем эти технологии оседали в лабораториях. Они не применялись в продукции, которую можно было бы отправлять на экспорт, и большая часть технологий не применялась в продукции, которая могла бы стать конкурентоспособной.

Приведу пример, о котором уже упоминал господин Мантуров: вертолет. Когда мы решили создать вертолетную компанию, идея была такова: давайте создадим компанию, которая займется разработкой нового продукта, который можно производить и поставлять на экспорт, не боясь конкуренции.

Всем понятно, что в России знают, как строить вертолеты. Они были изобретены здесь. Но смысл идеи был в том, чтобы сегодня производить вертолет, который можно продавать на мировом рынке, позволяя компании зарабатывать деньги. Это подразумевает разработку технологий, разработку процесса, разработку производственных мощностей, разработку конкурентного способа выхода на рынок.

Как уже говорилось, эту отрасль промышленности можно развить при поддержке правительства. НИОКР этого основного продукта можно проводить при поддержке правительства, но потом производство должно быть самодостаточным. Если России нужен рост, то нам от нее нужны конкурентные

производственные мощности и возможность пойти на эксперимент — выйти на международные рынки.

Второй важный момент, о котором тоже уже говорили: правительство должно инвестировать в инфраструктуру, в современную инфраструктуру и в защиту этой инфраструктуры. Сегодня под инфраструктурой понимается не только физическая составляющая, но и социальные проекты. Мы должны защищать ее физически, но также мы должны защищать ее, как сегодняшние ИТ-системы защищаются от вторжений. Необходимо разработать кибер-защиту, и это еще одна область, где в основе лежат технологии.

Существует проект «умных городов». Для создания лучших условий жизни нужно, чтобы город, мобильность его жителей и энергетика городского пространства развивались в рамках одного проекта. Проект «умных городов», существующий в России, является еще одним источником развития технологий. Именно это нам нужно, этого мы искали, и мы готовы поделиться технологией с целью расширения рынка. Я считаю, что сама по себе технология не имеет ценности: она становится ценной, когда ее можно применить в продукции, когда ее можно продать, когда она может помочь компании и человеку.

А. Пивоваров:

Большое спасибо.

Если мы заговорили о технологиях и о доступе к технологиям, у меня вопрос к Дмитрию Конову, генеральному директору ООО «СИБУР». Скажите, российские компании, в частности перерабатывающей промышленности, не ощущают дискриминацию со стороны развитых стран в доступе к технологиям? Нет такого?

Д. Конов:

Это очень сильно зависит от глубины переработки.

Я представляю нефтехимическую отрасль, которая на входе имеет побочные продукты нефти и газа, а на выходе получает продукты с различными сложными названиями. Я думаю, что примерно половина этого зала сделана из синтетических продуктов нефтехимии.

В той части, которая приближена к сырью, где есть большие объемы достаточно малой специализации, основное соревнование идет на глобальном уровне по затратам, технологии в основном можно закупить, расходы на них составляют мизерную часть стоимости проектов и являются достаточно доступными.

Чем дальше в более специализированные, менее крупнотоннажные продукты мы заходим, тем большее количество технологий становится труднодоступными, их не всегда передают из-за боязни конкуренции, эти технологии являются более закрытыми. Даже эти технологии в наше время не универсальны, это не период холодной войны и не период промышленного шпионажа. Во многих случаях их можно получить в партнерстве, но доля этих технологий в общей стоимости продукта и стоимости проекта гораздо выше, чем на более низких переделках.

А. Пивоваров:

Насколько это сдерживает нашу индустриализацию?

Д. Конов:

Это в каких-то случаях сдерживает, но точно не является ведущим фактором. Критично другое — то, о чем мы не очень много говорили на панели. Многие компании и государство как регулятор хотят индустриализировать, строить новые производства. Многие, но не все, обладают финансовыми ресурсами, чтобы делать крупные капиталоемкие проекты. В реальности очень немногие обладают навыками и возможностями ведения проектов для их физической реализации.

Я вижу яркий пример модернизации и индустриализации в российской нефтепереработке. Быстро и без планирования инженерных и проектных ресурсов, без модернизации строительной отрасли, производства оборудования невозможно реализовать эту модернизацию или индустриализацию.

Возможность реализации проектов — это тема, которая, как мне кажется, очень сильно недооценена в нашем общем планировании, причем как внутри компаний, так и на уровне регуляторов.

А. Пивоваров:

Это вопрос чего? Отсутствия специалистов необходимого уровня?

Д. Конов:

Каждая отрасль должна через какой-то период сама себя наращивать. Мы пропустили несколько инвестиционных циклов в каждой из отраслей. Мы не имеем навыков в нужном количестве, причем в каждой из частей не имеем этих навыков.

Концентрация усилий и попытка собрать ресурсы из разных мест хороши, но не реализуемы. Они скорее исключение, чем общее правило. У нас не хватает специалистов, не хватает квалификации в поддерживающих модернизацию или индустриализацию отраслях.

Это проблема, которая при общих планах государства и компаний будет большим барьером и сдерживающим фактором в ближайшие годы.

А. Пивоваров:

Хочу обратиться к Виталию Несису. В Вашем бизнесе такая же ситуация? Это не зависит от сферы деятельности?

В. Несис:

Да, я полностью согласен с Дмитрием в том, что отсутствие навыков проектного управления – это основной тормоз развития российской экономики. Более того, господин Кляйнфельд сказал, что единственные конкурентные преимущества в глобальной экономике — люди и то, как они между собой взаимодействуют. Это распространяется и на инвестиционный проект.

А. Пивоваров:

Как Вам кажется, базовые отрасли промышленности, к которым можно отнести добывающие, могут стать локомотивом новой индустриализации?

В. Несис:

Конкурентные преимущества есть как у отдельных людей, у конкретных компаний, так и у стран в целом. Необходимо определить, какие именно точки перспективного роста существуют в нашей стране.

Заниматься всем сразу или искать точки роста, основываясь не на объективных предпосылках, а на желаниях, опасно, это приведет к печальным последствиям.

Господин Троценко описывал бегство отдельных отраслей из развитых стран. Мое глубокое убеждение, что это произошло не вследствие ошибок игроков на рынке, а из-за неграмотной государственной политики. Государства активно занимались перераспределением инвестиционных ресурсов из успешных отраслей в сферу социального обеспечения и другие, менее развитые, отрасли.

Я надеюсь, что наше правительство подобных ошибок не повторит, не будет развивать отрасли, в которых в силу исторической специфики Россия никогда не будет конкурентоспособна.

А. Пивоваров:

Виталий, большое спасибо. Мне кажется, Вы поставили отличную точку в нашей дискуссии.

Я благодарю всех панелистов, всех участников и всех зрителей. Наша панель закончена. Спасибо.